

Глава четвертая ВДОВА НА ТРОНЕ

Самое поразительное в судьбе Екатерины состоит в том, что Петр, несомненно, знавший об ограниченных способностях своей неграмотной супруги, даже не попытался хоть как-то образовать ее и подготовить к будущему царствованию, не привлекал к управлению колоссальной империей ни до коронации, ни после нее. Во всяком случае, переписка супругов не дает ни малейших оснований для утверждения, что император обременял ее поручениями государственного характера, делился с нею опытом, наставлял, как преодолевать сопротивление противников преобразований и стимулировать активность их сторонников – словом, обучал мудростям государственного деятеля.

Между тем страна находилась в сложном и тяжелом положении. Полученное от супруга наследство нуждалось для управления им в столь опытной и твердой руке, что, казалось, Екатерине не суждено было удержаться на троне, тем более незаконно ею занятом.

Два с лишним десятилетия изнурительной войны за выход к Балтийскому морю, напряженная мобилизация экономических и людских ресурсов, бесследно исчезавших на поле брани, пагубно отражались на положении сельского и городского населения. Бремя налогов и повинностей, непрерывно один за другим обрушивавшихся на плечи народа, суровое взыскание недоимок подрывали хозяйство селян и горожан.

Крестьяне, составлявшие почти 97 процентов населения России, страдали не только от тягот войны. Прежде всего, конечно же, следует вспомнить о крепостническом режиме, обязывавшем крестьянина обеспечивать сытую жизнь барина, членов его семьи, а также многочисленной челяди, их обслуживавшей. Крепостной мужик вынужден был делиться с помещиком результатами своего нелегкого труда: поставлять к его столу всякого рода снедь, обеспечивать деньгами, обрабатывать его пашню. По своим размерам повинности в пользу помещика нередко соперничали с повинностями в пользу государства. Здесь наблюдалась определенная закономерность: чем больше изымало у крестьянина государство, тем меньше оставалось помещику, и наоборот. При этом надобно учитывать, что ни государство, ни помещик не были заинтересованы в утрате крестьянином платежеспособности, в лишении его условий воспроизводства хозяйственных ресурсов.

Крестьянин являлся объектом грабежа еще и для правительственных чиновников, взимавших с них повинности, а также для приказчиков – и те и другие не упускали случая, чтобы поживиться с крестьян дополнительными поборами в свою пользу.

Два обстоятельства значительно усложняли и затрудняли выполнение задач, стоявших перед обладательницей трона. Первое и едва ли не главное состояло в отсутствии у бывшей прачки опыта и знаний. Отсутствовало у нее, разумеется, и четкое представление о том, каким курсом надлежит вести государственный корабль, какими средствами могут быть закреплены успехи, достигнутые Россией в годы продолжительного царствования ее покойного супруга, и какие его начинания нуждаются в корректировке и даже в отмене, как миновать подводные рифы в виде тайных козней противников преобразований и сторонников старины.

Второе обстоятельство, неблагоприятно сказывавшееся на выполнении государыней своих обязанностей, было связано с состоянием ее здоровья. Женщина, в молодые годы отличавшаяся богатырским здоровьем и незаурядной физической силой, к сорока годам превратилась в рыхлую особу с немалым количеством недугов.

Екатерина I пережила своего супруга всего на два года, хотя была значительно моложе его. Уход из жизни в 43 года (или около этого) объяснялся прежде всего ненормальным образом жизни императрицы, что неоднократно отмечали современники. Французский посол при русском дворе Кампредон, кажется, внимательнее других дипломатов следил за состоянием здоровья императрицы, регистрируя не только простудные, но и хронические заболевания. Последние он объяснял гастрономическими излишествами, чрезмерным увлечением напитками, страстью к развлечениям, превращение дневных часов в ночные – Екатерина имела обыкновение отправляться ко сну в четыре-пять утра.

Первый раз Кампредон отметил, что императрица «несколько чересчур предается удовольствиям даже до того, что расстраивает свое здоровье», в депеше от 5 октября 1725 года. В последующих посланиях Кампредон расшифровал суть этих «удовольствий»: «царица сильно прихворнула вследствие пира в день Андрея Первозванного. У нее сделались конвульсии, сопровождавшиеся биением сердца и лихорадкой». Частые застоля в кругу придворных дам вызывали чрезмерную полноту, несколько раз отмеченную Кампредоном: «она чрезвычайно полна, ведет очень неправильную жизнь»; «часто хворала вследствие своей чрезмерной полноты».

Состояние здоровья императрицы интересовало не только посла, но и министра иностранных дел Франции, пользовавшегося информацией и из других источников. В октябре 1726 года министр граф де Морвиль извещал своего посла в Петербурге: «Со всех сторон доходят сведения, будто здоровье царицы слабеет с каждым днем и будто расстройство доходит до того, что государыня не может долго прожить». Министр получил сведения и о том, «что царица жить не может, ибо кровь у нее совершенно заражена».

Сведения министра о заражении крови Екатерины посол решительно опроверг в депеше от 20 декабря 1726 года: «Здоровье царицы совершенно поправилось, и здесь никому даже в голову не приходит, будто кровь у нее заражена и будто сама государыня близка к смерти».

Перелом в течении болезни наступил в начале 1727 года. Посол отправлял одну депешу за другой с извещениями о состоянии здоровья императрицы. 8 февраля она будто оправилась от болезни, но врачи запретили ей выходить из покоев в течение двух месяцев. Лишь однажды она выехала из дому, чтобы потом большую часть времени провести в постели.

Двор в Петербурге тщательно скрывал истинное положение дел, распуская слухи, что императрица здорова. Кампредон с иронией сообщал об этом своему двору 8 апреля 1727 года: «Хотя здоровье царицы и принято считать превосходным, но государыня до того ослабела и так изменилась, что ее почти узнать нельзя». Подтверждением тому – скромно отпразднованный день ее рождения в присутствии герцога и герцогини Голштинских, принцессы Елизаветы, фельдмаршалов Сапеги и Меншикова.¹ Екатерина не смогла присутствовать даже на обеде в дворцовой церкви на Пасху (2 апреля).

Скрыть подлинное состояние здоровья императрицы было невозможно. Буквально на следующий день после отправки Кампредоном донесения другой дипломат, Мардефельд, много лет представлявший интересы прусского короля при русском дворе, сообщил о переполохе, вызванном состоянием императрицы: «...несколько дней все находились здесь в смущении и страхе, ибо царица в прошлую субботу заболела вторично старою болезнью и при том так сильно, что она причастилась и во дворец были призваны все министры и весь генералитет. Но,

---

¹ Сб. РИО. Т. 64. С. 28, 57, 157, 177, 460, 468, 515, 542, 548, 555.

слава Богу, в ночь с воскресенья на понедельник в болезни наступил перелом, и выступил пот; по этим и другим благоприятным признакам медики считают царицу вне опасности, так как она дышать стала свободно, в чем состояла главная болезнь ее». ²

За здоровьем императрицы пристально следили все иноземные дипломаты: саксонский посол Лефорт, австрийский Рабутин, посол прусского короля Мардефельд, чьи депеши иногда совпадали с содержанием депеш Кампредона, а иногда существенно дополняли их. Так, Лефорт в депеше, отправленной 19 октября 1725 года, подтвердил информацию Кампредона о болезни Екатерины и сообщил о способе, которым ее вылечили: «Ее величество чувствует себя гораздо лучше после того, как ей пустили кровь». Известно, что пускание крови в XVIII веке считалось универсальным средством излечения всех недугов.

О хронической болезни императрицы Лефорт доносил в марте следующего года: «У царицы часто бывает опухоль на ногах. Она поднималась до бедра и не предвещает ничего хорошего». 17 декабря 1726 года Лефорт поведал о новом недуге Екатерины: «Нездоровье царицы происходит от кровотечения носом, которому она очень подвержена, и часто повторяющемуся».

О недугах императрицы сообщал своему правительству и австрийский посол Рабутин в депеше от 11 мая 1726 года: «Царица находится постоянно в своих покоях и лишь очень редко допускает к себе иностранных дипломатов». Стремление уклониться от встречи с представителями иностранных дворов, видимо, объяснялось не только недомоганием императрицы, но и ее опасением сказать в беседе с ними что-нибудь лишнее – проговориться ненароком о какой-либо тайне или пообещать то, что нанесло бы ущерб государству.

Эти наблюдения подтверждает и источник русского происхождения – «Журнал камер-фурьерский» за июль – октябрь 1726 года. Императрица действительно вела странный, беспорядочный образ жизни: ночью она бодрствовала, а днем, как тогда выражались, опочивала, и вельможи проводили долгие часы при дворе в ожидании, когда она изволит проснуться.

Камер-фурьерские журналы – источник скудный по своему содержанию. В них регистрировались лишь четыре эпизода в каждодневной жизни монарха: время, когда императрица ужинала и ложилась спать, часы, проведенные вне стен дворца, и время, когда она садилась за обеденный стол. Екатерина даже приблизительно не придерживалась какого-либо распорядка дня: ложилась спать, когда клонило ко сну, чаще всего в утренние часы; вставала к вечеру, проводя в постели от шести до двенадцати часов. Ночью бодрствовала, иногда прогуливаясь до рассвета в Летнем саду. За обеденный стол садилась раз в сутки, насыщая желудок обильной пищей, что позволяло ей не чувствовать голода в течение продолжительного времени.

Вот как, например, императрица провела день 5 июля 1726 года. В начале одиннадцатого утра отправилась ко сну; встала в пятом часу дня; в восьмом обедала; в четвертом часу ночи прогуливалась в Летнем саду; отправилась спать в третьем часу дня. В другие дни она вставала в третьем часу дня, а иногда случалось, что и в одиннадцатом или двенадцатом ночи – в зависимости от времени, когда отправлялась опочивать. Время обеда тоже не было постоянным и колебалось в зависимости от времени пробуждения. ³

Современники были правы: отсутствие режима способствовало болезни императрицы, ускоряло ее уход из жизни.

---

² Сб. РИО. Т. 15. С. 333–334; Брикнер А. Императрица Екатерина I. С. 126.

³ Журнал камер-фурьерский за 1726 год. [Б. м.; б. г.]

Резкое ухудшение состояния больной наступило 22 апреля. В течение этого и последующего дней Екатерина подвергалась удушью, несколько раз теряла сознание, бредила. Скончалась она 6 мая 1727 года.

Казалось бы, подробности о состоянии здоровья императрицы можно счесть лишними. Но это не так. Читатель должен иметь представление о том, что даже при наличии скромных способностей государственного деятеля императрица не смогла бы их реализовать. Что же касается иноземных послов в Петербурге, то их интерес к здоровью императрицы понятен – ее кончина должна была сопровождаться не только сменой лица, стоявшего на вершине правительственной пирамиды, но и сменой состава «команды» и, следовательно, возможным изменением внешнеполитического курса.

В самом начале царствования Екатерины I ее болезненность вместе с добродушным и сердобольным нравом давали современникам повод полагать, что «царствование этой царицы будет тихо и счастливо». Подданные, доносил Лефорт, «начинают воспевать счастливое освобождение от тирании и очень хорошо понимают, что царствование женщины не может быть до такой степени деспотическим», как предыдущее. Но безволие и добродушие правителя далеко не всегда обеспечивают положительную оценку царствования.

* * *

Царствование Екатерины началось под знаком траура по умершему супругу. Тело Петра оставалось непогребенным в течение сорока дней, и все это время Екатерина ежедневно дважды, утром и вечером, оплакивала его. «Придворные дивились, – замечал современник, – откуда столько слез берется у императрицы».

С первых же дней новая императрица продемонстрировала намерение строго следовать курсом Петра. Но многое и изменилось – причем и внешне, и по существу. Так, изменился при Екатерине характер развлечений, что, казалось бы, и не имело большого значения, но многим казалось симптоматичным. Петр, как известно, ввел устройство ассамблей – собраний разношерстных по составу людей, где, наряду с развлечениями, велись деловые разговоры и где можно было встретить вельмож, кораблестроителей, разного рода умельцев, купцов, послов иноземных государств. Именным же указом Екатерины Алексеевны 11 января 1727 года велено было еженедельно по четвергам в пятом часу пополудни собираться в дом ее императорского величества «на курдах, или съезд». Судя по указу, куртаги отличались от ассамблей: для них был отведен специальный день, в то время как устройство ассамблей не имело строгой периодичности; куртаги созывались при дворе императрицы, в то время как ассамблеи – поочередно у вельмож; наконец, главное отличие состояло в более демократическом составе участников – на куртаги приглашались русские и иностранные министры, а также чины не ниже полковничьего. С ассамблеями куртаги роднило лишь присутствие дам и право находиться в собрании, «кто сколько хочет». «Невозможно описать поведения этого двора; со дня на день не будучи в состоянии позаботиться о нуждах государства, все страдают, ничего не делают, каждый унывает и никто не хочет приняться за какое-либо дело, боясь последствий, не предвещающих ничего хорошего... Дворец делается недоступным, полным интриг, заговоров и разврата». Другое донесение содержит неприглядные подробности придворного быта. «Я рискую прослыть за лгуна, – доносил Лефорт, – когда опишу образ жизни русского двора. Кто бы мог подумать, что он целую ночь проводит в ужасном пьянстве, и расходится уже самое ранее в пять или семь часов утра. Более о делах не заботятся. Все страдает и

погибает». ⁴

Отдав должное памяти супруга соблюдением годовичного траура, Екатерина будто бы спешила наверстать упущенное: балы и маскарады чередовались с празднествами по случаю выдачи наград, смотрами гвардейских полков. Продолжая традиции, императрица совершала частые прогулки по Неве, сопровождавшиеся пушечной пальбой, присутствовала на спуске галер. «Имея необыкновенную склонность к навигации и флоту, – писал Вильбуа, – она устраивала почти каждое воскресенье и по праздникам летом представление с морским боем». Развлечения продолжались до глубокой ночи. 1 мая 1726 года на Екатерину был возложен польский орден Белого орла. Празднества закончились в семь часов утра. 7 мая двор веселился до трех часов ночи. 30 июня она пиновала на именинах графа Сапеги до четырех утра. Публичные развлечения дополнялись камерными, происходившими ежедневно во дворце, в кругу гофдам, камергеров, гофмейстеров и прочих придворных.

И все же действительность опровергла пессимистические размышления дипломатов. Жизнь продолжалась, и дела хоть как-то, но совершались. Правда, происходило все это не в том бурном ритме, как при Петре Великом. Ожидать новшеств, умения угадывать развитие событий от императрицы не приходилось, но ей была доступна элементарная мысль о необходимости довести до конца дела, начатые покойным супругом. Именно так она и поступила. «Санкт-Петербургские ведомости» в ноябре 1725 года извещали население: «Ее императорское величество матернее имеет попечение к своим подданным, а наипаче в тех делах, кои начаты при его величестве, дабы их всемерно в действие произвести, а наипаче о науках молодых москвичей, для которых новые профессеры из других краев выехали, и по оным профессорам показала милость и высокую свою протекцию... Немалое имеет попечение о воинских делах и в прочем, что принадлежит к удовольствию полков, и часто изволит сама при экзерцициях присутствовать». Не забыли упомянуть и о том, что императрица продолжила благоустраивать Петергоф, повелев «некоторые дома доделывать и игровыми водами и прочими украшениями украшать».

Газета не упустила случая оповестить читателей о милосердии императрицы, оказанном капитан-поручику, который наткнулся на протазан и «жестоко поколосся». Узнав об этом, Екатерина «изволила, встав из-за кушанья, выйти к тому раненому и указала его отвести в особливую палату, архиерей и лейбмедики призваны, и указала того раненого при себе перевязать, а потом едва ли вси дни изволила его сама надзирать».

Императрица в первые дни царствования совершала и более существенные акции, чем излечение от раны капитанпоручика Петра Чичерина или сооружение новых домов в Петергофе. По традиции, взошедший на престол государь начинал царствование актами милосердия. Екатерина не отступила от правил: она предоставила свободу осужденным навечно к каторжным работам, освободила из ссылки Петра Шафирова, а сестру казненного Виллима Монса Матрену Балк, спина которой соприкоснулась с кнутом палача, вернула из пути в Сибирь, причем восстановила ее в прежней должности статс-дамы императрицы. Более того, специальный Указ запрещал упрекать ее в чем-либо под страхом телесного наказания. Шафирову же было дано почетное задание написать историю царствования Петра Великого до 1700 года, которое он, кстати, не выполнил. Помилование коснулось и украинских старшин, содержавшихся по повелению Петра в заточении за протест против ликвидации гетманства. ⁵

---

⁴ Сб. РИО. Т. 3. С. 415, 439.

⁵ ПСЗ. Т. 7. № 1645, 4648, 4724, 4651.

Забота, хотя и мелочная по своему значению, была проявлена и к населению: оштрафованные за неявку на исповедь на 5, 10 и 15 копеек освобождались от уплаты штрафа для «поминовения покойного», отменялась отправка солдат в города и провинции для взыскания доимки по сбору подушной подати и рекрутов.

Актами милосердия дело не ограничилось. Императрица издала три указа, направленных на завершение конкретных дел, начатых супругом. Один из них извещал подданных о намерении завершить постройку 96-пушечного корабля, чертеж и закладка которого были изготовлены и совершены Петром.⁶

Продолжила императрица и начатую Петром организацию Академии наук. В 1724 году царь опубликовал проект учреждения Академии наук, или Социетета наук и художников, определив на ее содержание 25 тысяч рублей в год. Екатерина поручила русскому послу в Париже Кузакину пригласить в Россию крупных ученых, рекомендованных лейб-медиком Петра Блюментростом: двух братьев Бернулли, Билфингера, Делиля и др. В Петербург они прибыли в конце 1725 года, а Академия наук была открыта в 1726 году. Ее президентом был назначен Лаврентий Блюментрост.⁷

Третья инициатива Екатерины состояла в организации Камчатской экспедиции. Царя еще в 1718 году интересовал вопрос о наличии пролива, отделявшего Америку от Азии. Для разъяснения сомнений Петр составил в январе 1719 года инструкцию геодезистам Ивану Евреинову и Федору Лужину и отправил их на Камчатку. Евреинову и Лужину удалось открыть Курильские острова, но интересовавший царя вопрос они так и не прояснили. Тогда в 1725 году царь решил отправить новую экспедицию во главе с опытными мореплавателями Витусом Берингом и А. И. Чириковым, которой надлежало соорудить на Камчатке корабли и плыть на север вдоль берега для определения места, где Азия сходится с Америкой, самим побывать на берегу и составить карту. Это намерение было претворено в жизнь уже при Екатерине.

Унаследованные от Петра замыслы хотя и были важными, но далеко отстояли от решения кардинальной задачи, стоящей перед империей: как вывести страну из кризиса. И самой Екатерине, и ее окружению, вручившему ей корону, было ясно, что она не имела ни малейшего представления, что и как надо было делать. Вся надежда ложилась на плечи бывших соратников царя. Однако для того, чтобы воспользоваться их услугами, требовались такт, умение маневрировать, а главное, умение добиваться беспрекословного подчинения своей воле. Как известно, Петр привлек к решению задач, стоявших перед страной, весьма разношерстную в национальном и социальном отношении публику. В одной упряжке тянули лямку наряду с русскими шотландец Я. В. Брюс, датчанин К. Крюйс, еврей П. П. Шафиров, литовец П. И. Ягужинский; лица, лишенные возможности похвастаться своим родословием (А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, Г. И. Головкин), соседствовали с представителями древнейших аристократических родов: Долгорукими, Голицыными, Репниными.

После кончины Петра непрочно сколоченная команда распалась на две «партии». Победу, как уже отмечалось, праздновала новая знать во главе с Меншиковым – сторонники Екатерины, смертельно боявшиеся восшествия на престол внука Петра Великого Петра Алексеевича. Но как только стало ясно, что противник повержен, что соратники Петра сохранили свое положение, их

---

⁶ Там же. № 4669.

⁷ Там же. № 4867.

сплоченности пришел конец. Причем инициатором разброда и соперничества выступил Меншиков, сумевший сосредоточить в своих руках поистине огромную единоличную власть.

Соперничество между Меншиковым и Толстым во влиянии на императрицу стало достоянием иностранных наблюдателей, в частности французских дипломатов Кампредона и Маньяна. В первые месяцы после вступления на престол Екатерины перевес, кажется, был на стороне Толстого. Приведем выдержки из донесений Кампредона.

17 февраля 1725 года: «Наиболее доверенным лицом и ее (Екатерины. – *Н. 77.*) министром является, по-видимому, Толстой. Это человек даровитый, скромный и опытный. Государыня каждую ночь советуется с ним».

3 марта: Толстой «стал теперь правой рукой царицы. В последних событиях он служил ей с ловкостью и успехом изумительными. Это лучшая голова в России. Он прожил до старости среди государственных дел и ведет их так же искусно, как и осторожно».

24 апреля: «Толстой самый доверенный и, бесспорно, самый искусный из министров царицы».

29 мая: «Между министрами заметно сближение. Канцлер Головкин, как и Ягужинский, начинают придерживаться Толстого, влияние коего все возрастает».

9 июня: «Все, что ей (императрице. – *Н. П.*) днем говорится и обсуждается, взвешивается и направляется ночью ею и Толстым, ловким дипломатом, который делает вид, будто отдаляется от дел и не вмешивается ни во что, кроме совещаний Сената».

Толстому, однако, недолго довелось выполнять роль самого близкого советника императрицы. Уже в апреле 1725 года его начинает оттеснять Меншиков. Обратимся к свидетельствам того же Кампредона.

7 апреля: «...чрезмерные милости к коему (Меншикову. – *Н. П.*) возбуждают неудовольствие всех прочих сенаторов».

14 апреля: «Если и происходит некоторое внутреннее волнение в умах министров, то лишь из-за стремления их поколебать влияние князя Меншикова».

21 апреля: «Милости к Меншикову все увеличиваются».

3 мая: «Князь Меншиков пользуется величайшею властью, какая может выпасть на долю подданного».⁸

Укрепление позиций светлейшего сопровождалось падением влияния Толстого. Оно поубавилось даже в таких вопросах, где его компетентность не вызывала никаких сомнений и где он до этого считался хозяином положения. 6 апреля 1726 года Кампредон доносил о поведении императрицы, явно ущемлявшей престиж Толстого: в Верховном тайном совете «не постановлялось никакого решения без предварительного просмотра его Остерманом», который в то время являлся ставленником Меншикова. Чтобы избежать унижительной для себя процедуры согласования решения с Остерманом, Толстой предпочитал присутствовать лишь на тех заседаниях Верховного совета, на которых присутствовал барон: «...он (Толстой. – *Н. П.*) никогда не потерпит, чтобы его мнение подчинено было мнению Остермана, чего можно избегнуть, высказываясь обоим одновременно».⁹

Чем слабее верховная власть, тем большее влияние на нее оказывают фавориты и временщики, использующие свое влияние либо в корыстных целях, либо в

---

⁸ Сб. РИО. Т. 58. СПб., 1887. С. 8, 33, 105, 158, 179, 254, 348, 359, 360.

⁹ Сб. РИО. Т. 64. С. 311.

интересах государства. При Екатерине I временщиком стал Александр Данилович Меншиков, сочетающий в своем лице оба качества – выученик Петра, он умел действовать в интересах государства, не забывая при этом утолить ненасытную алчность и умножить и без того колоссальное богатство.

Все современники единодушны в оценке безграничного влияния Меншикова на императрицу. Колоссальная власть, обретенная им в ее царствование, вызывала раздражение и недовольство прочих вельмож. Еще не похоронили Петра, как между птенцами гнезда Петрова разразился скандал. 31 марта 1725 года во время всенощной в Петропавловском соборе Ягужинский в состоянии подпития, когда он становился неуправляемым, сказал, обращаясь к гробу с телом Петра: «Мог бы я пожаловаться, да не услышит, что сегодня Меншиков показал мне обиду, хотел мне сказать арест и снять с меня шпагу, чего я над собою никогда не видал». Генерал-прокурор Сената за эти слова, произнесенные публично, мог поплатиться опалой, отлучением от двора, и понадобились большие усилия министра герцога Голштинского графа Бассевича и самой императрицы, чтобы утихомирить разгневанного князя, требовавшего сурового наказания обидчика.

В те недели и месяцы, когда Ягужинский не подвергал свой организм чрезмерному влиянию горячительных напитков, он слыл рассудительным человеком и пользовался доверием императрицы в качестве противовеса Меншикову. Такой эпизод отметил Кампредон в октябре 1726 года: «Ни благоразумнее, ни трезвее прежнего он не сделался, но его безотлучное влияние около царицы не оставляет более сомнения в том, что он сделался ее любимцем». И это несмотря на то, что в августе он совершил поступок, вызвавший раздражение Екатерины: «На днях Ягужинский напился при дворе и пьяный бросился на колени перед царицей, жалуясь ей на пренебрежение, с каким к нему, по его мнению, относятся теперь, и перемешивая эти жалобы с ругательствами против разных будто бы обидевших его лиц, в особенности против Меншикова. Говорят, царица ужасно оскорбилась этим поступком Ягужинского. Но у него подобные сцены дело обычное и, вероятно, и эта сойдет ему с рук, тем более что он уже после этого назначен послом в Польшу...»

Среди влиятельных персон, выдвинувшихся при Петре, ко времени его кончины осталось мало людей, способных противостоять Меншикову. Первый министр в правительстве, канцлер Г. И. Головкин, был стар и немощен настолько, что готов был доживать свой век в монастырском заточении. Генерал-адмирал Ф. М. Апраксин также доживал последние годы. Да он и не обладал бойцовскими качествами даже в расцвете своих физических сил.

В 1726 году Федору Матвеевичу исполнилось 65 лет – по тем временам возраст достаточно солидный, позволявший ему жаловаться на множество болячек. Но Меншиков, хотя и не считавший его своим сторонником, но знавший его покладистый характер, не отпускал его на покой. В конце апреля 1726 года французский дипломат описал своеобразный протест Апраксина: «Дня четыре тому назад адмирал Апраксин собрал у себя всех своих племянников и объявил им, что, на его взгляд, все начала покойного царя исчезли бесследно, что ему, адмиралу, не позволяют даже удалиться под конец дней своих на покой, между тем, прибавил он со слезами, у него уже слабеет память, и хотя он, подчиняясь требованию, вступит еще на корабль в этом году, но это будет уже последний раз». ¹⁰

Любимец армии, талантливый полководец М. М. Голицын уклонялся от политических интриг, считая, что надлежит вести с противниками честную, а не подковерную борьбу. Умный и проницательный Яков Виллимович Брюс предпочел уйти на покой, заняться научными разысканиями и поэтому запросил отставку.

---

¹⁰ Там же. С. 27, 395, 396, 272.

В этих условиях честолюбие и алчность Меншикова проявлялись повсюду, и императрица опасалась сопротивляться желаниям светлейшего. Так, ему захотелось получить чин генералиссимуса и в придачу город Батурин на Украине, который он разорил в 1708 году. Еще в 1721 году по случаю заключения Ништадтского мира Меншиков обратился к царю с просьбой пожаловать ему бывшую столицу гетмана: «Всенижайше у вашего императорского величества прошу милости для нынешней всенародной о состоянии с короною Свейскою (Швецией. – *Н. П.*)вечного мира радости и на воспоминание Полтавской баталии и Батуринского взятия пожаловать мне во владение город Батурин с предместьем и с уездом, что к нему преж сего принадлежало, и с хуторами, и с мельницами, и с землями, и с жителями, кто на той земле, поселясь, ныне живут. Я, ваше императорское величество, не хотел было сим прошением утруждать, но сего ради, что ваше императорское величество изволил повелеть во взятии оный город разорить и дабы никто в нем не жил; а ныне в предместье того города и в уезде живут, поселясь, всякого чина люди, а именно Чечеля, который во время измены Мазепиной был наказным гетманом и хотел с меня, живого, кожу содрать, жена его, и дети, и другие бывшие в измене с Мазепой». Тогда царь не удовлетворил домогательства Меншикова, и через четыре года светлейший возобновил просьбу, обратившись на этот раз к Екатерине. В челобитной на ее имя есть и такие слова: «...прошу не для себя, но для самодержавной власти вашего величества».¹¹

У Екатерины, знавшей, сколь не популярны у вельмож притязания Меншикова, хватило отваги удовлетворить лишь одну просьбу князя: она пожаловала ему Батурин и Гадяч, но отказала в чине генералиссимуса.

Беспредельное властолюбие князя превратило его в некоронованного государя – «полудержавного властелина», по выражению А. С. Пушкина, что отмечали все иностранные наблюдатели и особенно саксонский дипломат Лефорт, внимательно следивший за перипетиями дворцовых интриг и по горячим следам делившийся впечатлениями со своим двором. Приведем выдержки из его депеш.

17 марта 1725 года: «Меншиков всем ворочает... Меншиков старается лишить Репнина влияния, которым он пользуется, и обходится с ним так дурно, что клянется его погубить».

26 февраля 1726 года: «Важные перемены, сделанные в государственных учреждениях, служат верным доказательством влияния и полной власти князя Меншикова».

14 мая 1726 года: «С другой стороны, князь Меншиков для того, чтобы уменьшить власть голштинского двора, захватывает себе, быть может, больше власти, чем бы следовало, чем навлекает на себя чрезмерную зависимость, хотя до сих пор держит всех в повиновении».

11 июня 1726 года: «При дворе не пьют более ни за чье здоровье, как царицы и князя Меншикова... Ничего не может быть вернее того, что он управляет как самодержавный властелин, и все ему потворствуют».

23 июля 1726 года: «Меншиков имеет верховную власть, никто ему не сопротивляется...»

Июль 1726 года: «Меншиков положительно неограниченный правитель всего государства, его самоуправство дошло до того, что голос царицы умолк... Незаконно приобретенная власть Меншикова на весьма шатких основаниях. У него несметное число врагов. Основой власти служат уверенное самохвальство и слепое счастье». В этой же депеше Лефорт сообщает о слухах о намерении князя жениться на Екатерине: «Достиг он до того, что русские полагают, будто это только возможно,

---

¹¹ Соловьев С. М. Соч. Кн. 9. С. 455, 449.

что царица выйдет за него замуж и возведет его на царский престол: возносится он на высоту, чтобы с тем большей силой обрушиться».

20 августа 1726 года: «Князь то и дело от имени царицы рассылает указ за указом, о которых она и не знает».

17 декабря 1726 года: «Князь Меншиков держится крепко, даже думают, что если будет употреблено какое-нибудь насилие, князь Меншиков не поддастся. Он имеет опору, еще не ослабевшую». ¹²

Впрочем, осведомленность Лефорта оставляет желать лучшего. В действительности Меншикову иногда приходилось с напряжением всех сил отстаивать свое положение: за время царствования Екатерины можно насчитать, по крайней мере, два эпизода, когда почва под его ногами сильно колебалась и его могли постигнуть опала и даже катастрофа. Первый из них связан с попыткой Александра Даниловича овладеть короной герцога Курляндского. В Курляндии он встретил упорное сопротивление, которое, как он полагал, можно было преодолеть не тонкими дипломатическими ходами, а приемами, которыми он широко пользовался в России, – напором, грубой силой, угрозами.

Курляндский трон оказался вакантным при следующих обстоятельствах: в 1710 году Петр Великий выдал замуж свою племянницу Анну Иоанновну за курляндского герцога Фридриха-Вильгельма. После пышной свадьбы и двухмесячного застолья супружеская пара возвращалась в столицу Курляндии Митаву, но в дороге супруг занемог и скончался. В Митаве Анна Иоанновна в течение пятнадцати лет вела скучную вдовью жизнь в окружении чуждого ей курляндского дворянства, заносчивого и спесивого. И вдруг в 1726 году мелькнула надежда выйти замуж за внебрачного сына польского короля Августа II Морица Саксонского, которого, естественно, привлекала не столько мужеподобная Анна Иоанновна, сколько корона Курляндского герцогства. Граф Мориц Саксонский, прославившийся на всю Европу мотовством, скандальными поступками и амурными похождениями, вдоволь натешившись, предложил вдове руку и сердце.

Анна Иоанновна достигла того критического возраста, когда привередливость в выборе жениха становится рискованной. Она тут же дала согласие на брак. Остановка за малым – надобно было получить согласие петербургского двора. Но в Петербурге план решительно отклонили – брак должен был положить конец притязаниям России на присоединение к ней Курляндии, а провозглашение Морица Саксонского герцогом превращало Курляндию в провинцию Речи Посполитой. Тогда у Меншикова и возникла честолюбивая мечта дополнить свой пышный титул еще двумя словами: «герцог Курляндский». Заметим, идея стать герцогом Курляндским осенила голову князя с большим опозданием – в Митаве уже состоялся избирательный сейм, депутаты которого единодушно отдали голоса за Морица Саксонского.

Перед Меншиковым, отправившимся в Митаву за короной, стояли многотрудные и практически не выполнимые задачи. Прежде всего, он должен был убедить Анну Иоанновну, что Мориц Саксонский – «б...дин сын» и не пара русской принцессе и герцогине. Анна Иоанновна использовала весь арсенал дамских аргументов – лесть, ссылку на свой возраст, обильные слезы, но своего не достигла; Александр Данилович твердо стоял на своем. Князь сообщал своей супруге явную ложь, когда писал ей: Анна Иоанновна, «кажется, с великою охотою паче всех желает, чтоб в Курляндии князем быть мне, и обещала на то всех курляндских управителей и депутатов склонить». В действительности все обстояло наоборот: Меншиков настолько грубо себя вел с герцогиней, что та, зная могущество князя,

---

¹² Сб. РИО. Т. 3.

все же осмелилась отправиться в Петербург с жалобой на его поступки и угрозы.

Непривычный для себя афронт князь получил и от руководителей сейма: под разными предлогами они отклонили требование князя созвать новый сейм, который бы отменил постановление предыдущего об избрании Морица герцогом. Свое требование Меншиков подкрепил угрозой ввести в Курляндию двадцатитысячное войско, а непослушных депутатов отправить в Сибирь.

Грубые действия князя, превышавшие его полномочия, вызвали в Петербурге поначалу настороженное, а затем и резко отрицательное отношение, ибо могли спровоцировать войну с Речью Посполитой. Меншиков был срочно вызван в Петербург, над ним нависла угроза опалы. Волнение и озабоченность не покидали светлейшего с тех пор, как он получил вызов из Риги в Петербург, и до той минуты, пока за ним не закрылись двери покоев, в которых его принимала императрица. Не случайно Александр Данилович, прибыв в Петербург, отправился не к себе во дворец, в лоно семьи, а в императорский дворец, чтобы развеять сгустившиеся над собой тучи.

Содержание четырехчасовой беседы Меншикова с императрицей не известно, но, судя по всему, князю пришлось немало потрудиться, чтобы отвести угрозу падения.¹³

В следующем году Меншикову пришлось выдержать еще одно испытание. На этот раз речь шла о его семейных делах: князь стремился подыскать двум своим дочерям – старшей Марии и младшей Александре – достойных женихов.

Для Марии жених нашелся довольно быстро – им оказался сын польского магната Сапег. 13 марта 1726 года в роскошно убранном дворце Меншикова под гром артиллерийских залпов и звуки оркестра в присутствии всей столичной знати состоялась помолвка жениха и невесты. Исполнился год со времени похорон Петра, и Екатерина, участвовавшая в обмене перстнями, после траура разрешила забавиться танцами.

Милости на Сапег посыпались как из рога изобилия. Не подлежит сомнению, что о них хлопотал будущий тесть. Накануне помолвки графа Сапегу-отца Екатерина неведомо за какие заслуги пожаловала чином российского генералфельдмаршала, а в том же марте – орденом Святого Андрея Первозванного; будущий зять получил высокий чин придворного камергера. Меншиков всякий раз демонстрировал дружеское расположение к семье заезжего жениха. Отец и сын – желанные гости в роскошном дворце князя. Он тоже частенько навещал свата.

Не забыл светлейший и о своей младшей, более привлекательной дочери Александре. В том же 1726 году доверенный человек князя вступил в переговоры о заключении брачного контракта с ангальт-цербстским принцем. Посланник князя преднамеренно проехал через обширные владения принца и «подлинно известился: место, в котором он резидует, есть зело изрядное, крепость хорошая, одним словом сказать, по княжески, и, по-видимому, в воле в вашей княжеской светлости состоит светлейшую княжну, дочь свою, зело щастливой учинить».

Однако ни тот ни другой план Меншикову осуществить так и не удалось. Брачный контракт с Сапегой расстроила сама императрица. На этот счет среди иностранных дипломатов носились исключаящие друг друга слухи: одни сообщали своим дворам, что жених Марии Александровны приглянулся самой императрице и она использовала его в качестве фаворита (хотя действительным любовником Екатерины был Левенвольд); другие – что Екатерина намеревалась женить молодого Сапегу на своей племяннице. (И в самом деле, с соизволения императрицы, Сапега женился на Софье Карловне Скавронской.)

---

¹³ Павленко Н. И. Полудержавный властелин. С. 265–282.

Не дошло дело до свадьбы и у Александры Меншиковой. Переговоры затянулись до падения светлейшего князя, когда глава семьи и обе его дочери оказались в ссылке.

Впрочем, неудачу по поводу несостоявшегося брака с Сапегой Меншиков пережил без особого напряжения и горевал недолго. Александр Данилович исхлопотал у императрицы еще более выгодного жениха: в завещании, составленном не без участия Меншикова и его подручного Остермана, Екатерина объявляла своим преемником 12-летнего Петра Алексеевича, обязав его жениться на одной из дочерей светлейшего.